

Сюй Янь, естественно, не мог позволить Сюй Мо идти одному, поэтому быстро окликнул его:

— Мо, я же сказал, что провожу тебя, зачем ты сам ушел?

С этими словами он поднял фонарь с земли, сделал несколько шагов вперед и, приблизившись к Сюй Мо, взял его за руку, мягко улыбнувшись:

— Пойдем, я провожу тебя.

Тело Сюй Мо слегка напряглось, он сжал губы, но в конце концов не вырвал руку, просто молча шел вперед.

Двое шли при слабом свете фонаря, пока не добрались до отдаленного двора, где жил Сюй Мо. Открыв тяжелую, старую деревянную дверь, Сюй Янь взглянул на разруху во дворе и невольно нахмурился, крепче сжимая руку Сюй Мо.

Двор был погружен во тьму, только в одной из комнат горела масляная лампа, вероятно оставленная для Сюй Мо. Служанки и няньки, видимо, уже спали.

— Мо, иди спать, — присел Сюй Янь, мягко глядя на мальчика.

— Хорошо, — Сюй Мо отвел взгляд, снял с себя халат и, немного поколебавшись, наконец набрался смелости, встал на цыпочки и осторожно накинул халат на Сюй Яня, опустив глаза и тихо сказав. — Старший брат, завтра ты возвращаешься в горы, верно? Я не смогу проводить тебя, позаботься о себе в пути. Я... я пойду...

Сказав это, Сюй Мо развернулся и убежал.

Сюй Янь на мгновение застыл, затем встал и, взяв фонарь, отправился обратно.

Уже было поздно, и когда Сюй Янь вернулся в изящную резиденцию Восточного двора, вечерний банкет уже закончился. Таояо, неся таз с горячей водой, только что вышла и увидела Сюй Яня, подошла и спросила:

— Наследник, почему вы так поздно вернулись? Может, прикажете приготовить что-нибудь из кухни?

— Не нужно, я просто гулял по дому. Уже поздно, иди отдыхать, не нужно служить, — Сюй Янь махнул рукой и направился внутрь.

Таояо поклонилась, сказала «Слушаюсь» и радостно удалилась.

Под звездным небом Сюй Янь стоял перед столом, глядя на свиток с каллиграфией.

Этот свиток он написал днем. Хотя Цинфэн и Хаююэ не поняли его значения, они нашли каллиграфию красивой. Сюй Янь провел пальцем по иероглифам, тихо прочитав:

— «Нефритовые чертоги, на фениксе взлетая и опускаясь, человек в прохладной стране».

.....

На следующий день Сюй Янь встал рано. Как только он поднялся с кровати, дверь открылась, и старшая служанка Цзыцзинь вошла, неся таз с водой. Увидев, что Сюй Янь уже проснулся, она улынулась:

— Наследник, вы проснулись? Позвольте помочь вам одеться.

Сказав это, она быстро подошла, поставила таз и повернулась, чтобы помочь ему одеться.

— Не нужно, я сам, — Сюй Янь махнул рукой, выбрал простую одежду и, одеваясь, спросил. — Цзыцзинь, как живет младший господин в княжеском доме?

— Отвечая наследнику, он живет... — Цзыцзинь закусил губу, но все же сказала правду. — Не очень хорошо. Слуги всегда ищут выгоду. Хотя княгиня добра, но... младший господин еще ребенок, и он часто ведет себя дерзко, поэтому князь не очень его любит...

Сюй Янь кивнул, зная, что Цзыцзинь говорит правду. В изящной резиденции Восточного двора среди четырех старших служанок Цзыцзинь и Юю были самыми спокойными, но Юю не была такой мягкой, как Цзыцзинь. Таояо и Чжоухуа всегда подчинялись княгине, а княгиня больше всего любила принцессу Яньи, которая сильно не любила незаконнорожденных детей, поэтому служанки стали более осторожными.

Думая об этом, Сюй Янь вздохнул и сказал Цзыцзинь:

— После моего отъезда сходи к младшему господину, возьми немного денег, еды и одежды. И скажи ему, что если у него будут проблемы, пусть напишет письмо и отправит его на гору Цзюли, я обязательно увижу. Каждые три дня ходи к нему и помогай служанкам заботиться о нем.

— Слушаюсь, наследник, я все запомнила, — ответила Цзыцзинь, затем подошла и повесила бамбуковый кошелек на пояс Сюй Яня, затем повернулась, чтобы взять нефритовую подвеску.

Сюй Янь, увидев это, махнул рукой:

— Не нужно, кошелек достаточно.

— Слушаюсь, — Цзыцзинь держала в руках подвеску.

— Эта подвеска будет твоей, благодарю тебя за заботу о младшем господине, — сказал Сюй Янь.

— Благодарю наследника, я обязательно буду чаще навещать младшего господина, будьте спокойны, я позабочусь о нем, — Цзыцзинь с радостью ответила, держа подвеску.

Сказав это, она убрала подвеску, помогла Сюй Яню умыться, затем позвала Таояо и Юю принести завтрак. Поскольку сегодня он возвращался на гору Цзюли, Сюй Янь немного поел, вымыл руки и отправился к княгине Пинъян.

Хотя княгиня Пинъян не хотела, чтобы Сюй Янь так рано уезжал, она знала, что он уже решил, поэтому с грустью проводила его до ворот княжеского дома.

Сюй Яньи тоже не хотела отпускать Сюй Яня, держась за руку княгини, она кричала:

— Старший брат, ты должен часто возвращаться! Когда у меня будет возможность, я обязательно приеду на гору Цзюли, чтобы навестить тебя!

— Хорошо, — кивнул Сюй Янь, затем встал на колени и поклонился княгине Пинъян. — Матушка, ваш сын не может быть рядом с вами. Сегодня я отправляюсь на гору Цзюли, желаю вам здоровья и счастья, и прошу, чтобы те, кто рядом с вами, хорошо заботились о вас.

— Янь, вставай, мой сын, — глаза княгини Пинъян наполнились слезами, и она помогла ему подняться.

Сюй Янь стиснул зубы, сел в повозку. Цинфэн и Хаоюэ уже приготовили экипаж, и, увидев, что Сюй Янь сел, они спросили:

— Наследник, отправляемся?

— Поехали, — ответил Сюй Янь, сдерживая грусть и не оглядываясь назад.

Только когда они выехали за городские ворота, он слегка вздохнул, приподнял занавеску и увидел за окном желтую землю и редкие кусты вдоль дороги, на которой шли редкие прохожие. Он опустил занавеску и позвал Хаоюэ.

— Иду, господин, — Хаоюэ приоткрыл занавеску и заглянул внутрь. — У вас есть еще распоряжения?

— То, что я велел вам купить вчера, готово?

— Отвечая господину, все готово. Кроме еды, мы купили еще народные игрушки и сладости, будьте спокойны, — ответил Хаоюэ.

Сюй Янь кивнул и больше не говорил, полузакрыв глаза и отдыхая на мягком ковре в повозке. Хаоюэ, увидев это, высунул язык и вышел, тихо разговаривая с Цинфэном, который управлял повозкой.

.....

Гора Цзюли.

Солнце клонилось к закату, и его лучи уже не были такими жгучими. Оранжевый круг низко висел на западном небе, и вскоре на горизонте появился ярко-красный закат, словно сливаясь с далекими горами.

В это время Су Ляншэн лежал на каменном столе во дворе «Десять ли, обнимающих луну», полузакрыв глаза и жуя соломинку.

Сок травы смешивался со слюной, и Су Ляншэн почувствовал горечь во рту. Он с силой выплюнул соломинку.

Спросите, почему Су Ляншэн находился во дворе «Десять ли, обнимающих луну», и на то была причина. Вчера днем Няньчжу без причины пришла, чтобы устроить ему неприятности, но он переиграл ее, и она не только не получила никакой выгоды, но и вся покрылась красной сыпью. Даже сейчас сыпь не прошла, и ее некогда красивое лицо опухло, как у свиньи.

Няньчжу, оказавшись в таком состоянии, еще больше возненавидела Су Ляншэна, и, так как их учитель был в затворничестве, а старший брат Сюй Янь не был в горах, она, прикрыв лицо легкой вуалью, ночью отправилась ко второму брату, чтобы попросить его о справедливости.

Второй брат с рождения был хромым и обычно передвигался в коляске, поэтому он любил окружать себя цветами, птицами и животными. На горе Цзюли, хотя он и был вторым братом, он редко общался с остальными учениками, появляясь только на праздниках.

<http://bllate.org/book/16656/1526555>